

Этот вечер стал, пожалуй, самым мучительным за все шестнадцать лет жизни Гу Сяояня.

Когда мать наотмашь влепила ему пощечину, мальчик окончательно растерялся. Не успел он ни прийти в себя, ни спросить, что стряслось, как она, буравя его полным ненависти взглядом, выплюнула:

— Лучше бы я вообще тебя не рожала!

В то же мгновение у Гу Сяояня зазвенело в ушах. Земля ушла из-под ног, всё тело сковал ледяной холод, а каждый вдох приносил обжигающую боль.

— Я... — Голос мальчика охрип. Он долго молчал, так и не выдавив больше ни слова.

Ему отчаянно хотелось спросить, что произошло, в чём он провинился перед ней. Но стоило приоткрыть рот, как пришло внезапное осознание: всё это уже не имело значения.

Мать Гу словно лишилась рассудка от какой-то неведомой обиды. Она принялась иступленно крушить всё подряд, выплескивая злость в первую очередь на вещи Гу Тана.

Звон бьющегося стекла без умолку резал слух. Гу Сяоянь безучастно стоял в стороне и смотрел, как мать швыряет на пол хрустальную пепельницу отца. На душе у него было пусто. Он смутно помнил, что мать в прошлом году специально заказывала её к его дню рождения.

В считанные минуты некогда уютная, прибранная квартира превратилась в руины. Пол устлали острые осколки — теперь каждый шаг требовал предельной осторожности. Разгромив почти всё в гостиной и спальне, мать замерла посреди хаоса, тяжело и прерывисто дыша.

— Мама... — робко позвал Гу Сяоянь, но тут же осекся.

Он хотел заговорить, но резкий писк телефона матери безжалостно оборвал его на полуслове. Экран вспыхнул. Гу Сяоянь стоял совсем рядом и успел разглядеть изображение, которое так ранило мать.

Это был снимок, присланный с незнакомого номера. На фотографии красовался его отец, который якобы задерживался на работе на важном совещании. Рядом с ним нежно улыбалась незнакомая женщина.

Мальчик застыл, пораженный внезапной догадкой. Отец изменял матери.

Увидев новое сообщение, мать Гу снова впала в неистовство. С диким криком она разбила еще несколько уцелевших безделушек, но вдруг замерла как вкопанная и уставилась на сына.

От этого безумного взгляда у Гу Сяояня засосало под ложечкой. Чутьё подсказывало: добром это не кончится. И предчувствие не обмануло — в следующую секунду мать, словно одержимая, ворвалась в его комнату.

— Мама! — Гу Сяоянь бросился следом и обомлел: мать остервенело топтала его любимые коллекционные фигурки. — Мама, что ты делаешь?! Прекрати!

Но она его не слышала. Разум покинул женщину. Круша хрупкий пластик, она иступленно кричала:

— Я велела тебе учиться! Почему ты меня не слушал?! Посмотри, какую дрянь ты накопал! Из-за этого мусора ты катишься на дно!

Когда человек поддается слепой ярости, его разум затягивает в порочный круг, заставляя раздувать любую, даже самую мелкую обиду до масштабов вселенской катастрофы. Мать одним махом смела с письменного стола Гу Сяояня всё, что там лежало. Тетради, учебники и карандаши с грохотом полетели на пол.

Мальчик попытался схватить её за руки, но она с силой оттолкнула его. Не удержавшись на ногах, он упал прямо на груды разбитого пластика и стекла. Острая боль пронзила ладонь — осколок глубоко рассек кожу. Из раны хлынула алая кровь, частыми каплями срываясь с испачканных пальцев на пол.

— Зачем ты вообще держишь эту дрянь в доме?! — снова взвизгнула мать. Её и без того тонкий, писклявый голос срывался на ультразвук, невыносимо терзая слух.

Гу Сяоянь, баюкавший израненную ладонь, поднял голову и обмер: в руках у матери оказались его профессиональные кисти и альбом для рисования. Сердце испуганной птицей забилося у самого горла.

— Мама... умоляю, положи это. Пожалуйста, не трогай, — взмолился он.

Гу Сяоянь рисовал сколько себя помнил. В раннем детстве родители поощряли его талант, проча ему будущее художника. Но в какой-то момент всё изменилось. Мать решила, что живопись — блажь и пустая трата времени, которая лишь мешает учебе. С тех пор ему приходилось творить украдкой, пряча свои работы в самые потаенные уголки.

Этот альбом был для него самым ценным сокровищем. В нём жила не просто детская мечта — там дышала его собственная душа.

— Мам, отдай его, пожалуйста. — Превозмогая резкую боль в руке, Сяоянь поднялся и протянул к ней ладони. — У меня ведь больше ничего не осталось...

Его слова лишь подлили масла в огонь.

— Почему ты никогда меня не слушаешь?! — закричала она с новой силой. — Вы все... все меня ненавидите! Считаете обузой, да?!

— Я... я слушаюсь, правда... — Гу Сяоянь с ужасом смотрел, как под её пальцами трещит плотная обложка альбома. На глаза навернулись жгучие слезы. — Я учусь, я очень стараюсь...

— Стараешься?! Если ты так стараешься, почему ты до сих пор не первый в классе?! — Её визг резал слух, точно тупая пила. Мать уставилась на сына безумным взглядом и вдруг жутко рассмеялась. — Я ведь знаю... Знаю, что я вам надоела! Никто из вас не хочет меня слушать! А ведь я... я же всё делаю ради вас! Только ради вашего блага!

Раздался резкий, оглушительный треск рвущейся бумаги. Этот звук прозвучал для Сяояня как смертный приговор: его хрупкий мир рухнул, разорванный пополам вместе с альбомом.

Истеричные вопли матери вдруг отдалились, превратившись в невнятный, глухой гул. Очертания комнаты поплыли перед глазами. Гу Сяоянь без сил опустился на колени, вновь неосознанно опершись израненной ладонью на острые стеклянные осколки.

Обрывки рисунков закружились в воздухе и усеяли пол. Некоторые улетели в темные углы комнаты, другие упали прямо перед ним. Сяоянь потерянно моргал, сквозь пелену слез пытаясь разглядеть растерзанные плоды своих трудов.

Слёзы катились по его щекам одна за другой. Мальчик попытался утереть лицо окровавленной рукой, оставляя на коже грязные разводы, и дрожащими пальцами потянулся к ближайшему клочку бумаги.

Яркая кровь мгновенно впиталась в белый лист, расплываясь жутким алым пятном, которое тут же размыли упавшие слезы. Но Гу Сяояню было всё равно. Он методично, словно заведенный автомат, собирал обрывки. Острые грани битого стекла безжалостно полосовали его ладони, оставляя всё новые порезы, но он даже не морщился от боли.

Именно эту картину застали Юй Цин и его спутник, бесшумно соткавшись из воздуха прямо посреди комнаты.

— Тут что... банда налётчиков побывала? — Король призраков окинул взглядом усыпанный стеклом пол, не понимая, куда наступить, чтобы не захрустело.

До роковой отметки на таймере оставалось чуть больше десяти часов. Опасаясь непредвиденных осложнений, Юй Цин решил провести эту ночь в доме Гу Сяояня. Но даже он не ожидал увидеть подобный погром.

— Очевидно, нет, — негромко отозвался Му Юаньчжи.

Му Юаньчжи перевёл взгляд с беснующейся женщины на молчаливого, упорно собирающего бумажки мальчика. Тяжёлое предчувствие шевельнулось в груди бога.

И оно тут же подтвердилось. Стоило Гу Сяояню потянуться к последнему уцелевшему наброску, как на помятый лист наступила домашняя туфля. Мальчик медленно поднял голову и наткнулся на искаженное яростью лицо матери.

— Ты всё ещё смеешь возиться с этой мазнёй?! — взревела она, вырвав клочки из его рук, и единым махом швырнула их в распахнутую форточку.

Внутри у Гу Сяояня со звоном лопнула последняя струна, удерживавшая его на краю бездны. Он сам рванулся вперед, словно намеревался прыгнуть в окно вслед за улетающими бумажками. Но стоило ему приподняться, как на его плечо опустилась невидимая, ледяная ладонь Юй Цина, мягко, но непреклонно прижав обратно к полу.

— Что ты делаешь? — Му Юаньчжи недоуменно нахмурился.

Юй Цин, сохранив бесстрастное выражение лица, наложил на мальчика заклятие оцепенения и лишь после этого тихо выдохнул:

— Завтра он должен умереть от потери крови. Только так, как предписано.

Если земной путь оборвется не по сценарию Книги Жизни и Смерти, Король призраков не сможет увести душу в чертоги суда. А без должного обряда Гу Сяоянь лишится всякой надежды на новое перерождение и навеки застрянет между мирами неприкаянным духом. Му Юаньчжи поджал губы, но промолчал. Спорить с законами бытия было бессмысленно.

— Что, считаешь меня бездушным чудовищем? — заметив его молчание, Юй Цин недовольно надулся. Ему стало малость не по себе. — Я всего лишь блюду закон.

Му Юаньчжи покачал головой и грустно посмотрел на распростертого на полу мальчика, которого мать напоследок с силой толкнула в грудь.

— Я вовсе не виню тебя. Просто никак не могу понять... почему всё пришло к такому финалу?

В былых видениях их прошлого родители Сяояня казались совсем другими людьми. У этого ребёнка была любящая, счастливая семья. Как же так вышло, что всё обернулось сущим кошмаром?

— Ты слишком долго пребывал в сиянии высших сфер, Му Юаньчжи, — с горечью усмехнулся

Король призраков. — Но в мире всегда найдутся углы, куда свет никогда не проникал.

Он взгляделся в зловещую серую дымку, плотным коконом окутавшую мать и сына.

— Их поглотила темная энергия обиды и злобы. Когда души так сильно отравлены скверной, безумие неизбежно.

Никто во всех трех мирах не ведал, откуда берется эта первородная злоба и как её исцелить. Известно было лишь одно: живой человек, испивший этого яда, теряет разум и человеческий облик, а мертвый — обращается в свирепого призрака, жаждущего лишь крови и мести.

— Эх, был бы здесь Повелитель Преисподней... — тихонько пробормотал Юй Цин и замолчал, уставившись в пространство.

Вдоволь накричавшись, истощенная вспышкой гнева мать наконец ушла. В разгромленной детской воцарилась звенящая тишина. Гу Сяоянь всё так же неподвижно сидел посреди осколков, словно сломанная кукла.

За окном медленно взошла луна, заливая бледным светом погрузившийся в сон город. Стояла середина лета, но ночной ветер дышал промозглой прохладой. От очередного сквозняка пальцы мальчика мелко задрожали. Он с трудом поднялся, на неслушающихся ногах доковылял до постели и, забравшись под одеяло, с головой укутался в него, пытаясь согреться.

— Какая судьба ждет его в следующем воплощении? — негромко спросил Му Юаньчжи.

Юй Цин хоть и сочувствовал бедолаге, но за тысячи лет на посту Короля призраков насмотрелся на столько трагедий, что его сердце давно покрылось броней. Он уже собирался достать телефон, чтобы запустить какую-нибудь игру и скоротать часы ожидания, но после вопроса спутника помедлил. Убрав руку, он призвал Книгу Жизни и Смерти и пробежался пальцами по светящимся строкам судьбы Гу Сяояня.

— Всё будет хорошо, — мягко ответил он. — Его ждет спокойная, долгая жизнь, полная простого человеческого тепла. Без бед и потрясений.

Му Юаньчжи молча кивнул, погружившись в собственные думы.

Ночные часы пролетели незаметно. Гу Сяоянь метался в лихорадочном полузабытьи. Ему снились обрывочные, путанные сны: то солнечные дни из далекого детства, когда родители ласково улыбались ему, то удушливый, серый полумрак последних месяцев, где каждый вздох давался с трудом.

Разбудил его резкий шум. Едва забрезжил рассвет, как снизу снова донеслись звон бьющейся посуды и яростные крики.

Мальчик проплакал почти до самого рассвета, и теперь его веки опухли так сильно, что он едва сумел разомкнуть глаза. Окинув взглядом усыпанный стеклом пол спальни, он вспомнил растерзанный альбом, и его губы горько дрогнули.

Ссоры за дверью разгорались с новой силой. Сквозь запертую дверь долетали хлесткие слова: «развод», «сумасшедшая», «предатель». Раздался тяжелый глухой удар, от которого Гу Сяоянь вздрогнул всем телом. Испугавшись, что родители покалечат друг друга, он осторожно приоткрыл дверь. В щель тут же ворвался пронзительный визг матери:

— Изменник! Я заберу всё до последней копейки, ты уйдешь нищим! А своего выродка, Гу Сяояня, забирай себе. Видеть его не могу — он вылитый ты! Тошно смотреть!

— Да ты совсем рехнулась! — глухо, едва сдерживая ярость, огрызнулся Гу Тан. — С чего ты взяла, что я тебе изменяю?!

— Фотографии у меня в телефоне, и ты еще смеешь отпираться?! — издевательски расхохоталась женщина. — Короче так: забирай мальчишку и проваливай. С меня хватит этого никчемного отродья из вашей семейки!

Крики возобновились с новой силой, перерастая в сплошной поток брани. Гу Сяоянь стоял за дверью и тихо улыбался. За эту бесконечную ночь он выплакал все слезы. Внутри него выжгло всё дотла.

«Значит, я и вправду никому не нужен. Моя жизнь... сплошное недоразумение».

Гу Сяоянь запрокинул голову, упрямо смаргивая оставшуюся влагу.

Рядом с ним Юй Цин бесстрастно посмотрел на таймер смерти.

— Остался ровно час. Приготовиться к жатве.

Гу Сяоянь медленно подошел к письменному столу и достал чистую тетрадь. Занеся ручку над белой страницей, он долго всматривался в пустоту, но в конце концов бессильно выронил её из пальцев.

Зачем писать предсмертную записку, если её всё равно никто не станет читать?

Из его груди вырвался надрывный всхлип, перешедший в безумный, тихий смех. Дрожащей рукой он достал из-под подушки старое канцелярское лезвие, которое припрятал давным-давно.

Один быстрый, безжалостный взмах — и сталь глубоко погрузилась в нежную плоть запястья.

Горячая алая струя брызнула на постель, быстро пропитывая простыни тяжелым, багровым пятном.

<http://bllate.org/book/20077/2040095>